

Валентин Яковенко

Тарас Шевченко. Его жизнь и литературная деятельность

Жизнь замечательных людей

Валентин Яковенко

**Тарас Шевченко. Его жизнь и
литературная деятельность**

«Public Domain»

Яковенко В. И.

Тарас Шевченко. Его жизнь и литературная деятельность
/ В. И. Яковенко — «Public Domain», — (Жизнь
замечательных людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии `Жизнь замечательных людей`, осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют свою ценность и по сей день. Писавшиеся `для простых людей`, для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

ОТ АВТОРА	5
ГЛАВА I. ШЕВЧЕНКО – КРЕПОСТНОЙ (1814–1838)	7
Конец ознакомительного фрагмента.	19

В. И. Яковенко

Тарас Шевченко. Его жизнь и литературная деятельность

*Биографический очерк В. И. Яковенко.
С портретом Т. Г. Шевченко, гравированным в Петербурге К.
Адтом.*

ОТ АВТОРА

Сколь ни многочисленными кажутся материалы, собранные для биографии Шевченко, но при общей обработке их получаются большие пробелы. Целые периоды жизни поэта остаются иногда весьма слабо выясненными, а наряду с этим встречаются отдельные заметки, целые страницы, посвященные самым незначительным эпизодам. Материалы эти за немногими исключениями носят очевидно случайный характер. Никто не позаботился в свое время собрать все необходимое по заранее обдуманному плану. Конечно, вина падает преимущественно на ближайших друзей Шевченко. Но, увы, многие из них еще при жизни поэта, в годину тяжелых испытаний, выпавших на его долю, показали, какие они друзья... А нашлись и такие, которые уже после смерти его резко повернули свой фронт. Таким образом, одних не стало, другие изменили... И жизнь человека, о котором еще критик шестидесятых годов сказал, что рассказы о судьбе таких людей должны получать самую широкую известность, не может быть обрисована с надлежащей полнотой. Тем затруднительнее было положение автора настоящего биографического очерка. Всякий сжатый очерк, имеющий в виду характернейшие моменты в жизни человека, опирается обыкновенно на обстоятельное и детальное исследование, в котором только и возможна критическая оценка разнородного, случайного материала. Но по отношению к Шевченко, повторяю, такого именно исследования мы и не имеем до сих пор. Кроме того, мы наталкивались еще и на затруднения иного рода, едва ли, впрочем, интересные для скромного читателя. Ввиду всего этого автор не может всецело взять на себя ответственность за неполное или недостаточное освещение различных сторон жизни и деятельности нашего народного поэта. Мне остается еще заметить, что в большинстве случаев малорусские цитаты переведены на общелитературный язык, за исключением отрывков из стихотворений Шевченко и еще некоторых выдержек.

Вот главнейшие источники, которыми автор пользовался при составлении предлагаемой биографии:

1. Т. Г. Шевченко. Автобиография (написана для журнала "Народное чтение").
2. Т. Г. Шевченко. Дневник за 1857–1859 годы.
3. Т. Г. Шевченко. Письма (напечатанные) к Залескому, М. Лазаревскому, Я. Кухаренко, М. Щепкину, С. Артемовскому, А. Казачковскому, Н. Осипову, Г. Тарновскому, С. Сираковскому, Маркевичу, П. Кулишу, Репниной, В. Шевченко и др.
4. Т. Г. Шевченко. Кобзарь.
5. Т. Г. Шевченко. Поэмы, повести и рассказы, писанные на русском языке.
6. Воспоминания о Т. Г. Шевченко А. Чужбинского, Н. Костомарова, С. Тургенева, М. Микешина, Н. Усковой и др.
7. Доклад шефа жандармов Орлова. – "Русский архив", 1892.
8. Н. Д. Н. На Сырдарье у ротного командира.
9. Н. Стороженко. Первые четыре года ссылки Шевченко.

10. *Е. Гаршин*. Шевченко в ссылке.
11. *А. Родзевич*. Тарас Шевченко в Закаспийском крае.
12. *А. Лазаревский*. Материалы для биографии Т. Г. Шевченко.
13. *М. Чалый*. Жизнь и произведения Тараса Шевченко.
14. *Пискунов*. Шевченко, его жизнь и произведения.
15. *Г. Кулябка*. Т. Г. Шевченко.
16. *В. Маслов*. Т. Г. Шевченко. Биографический очерк.
17. *Н. Костомаров*. Литературное наследие.
18. *Н. Петров*. Очерки истории украинской литературы XIX столетия.
19. *А. Скабичевский*. История новейшей русской литературы.
20. *Н. Добролюбов*. Сочинения. Т. 3.
21. *А. Пытин*. Русские сочинения Шевченко. Статья в «Вестнике Европы».
22. *В. Семевский*. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века.
23. *Т-ый*. Шевченко в отзывах о нем иностранной печати.
24. Разные мелкие заметки, помещенные в «Киевской старине».

ГЛАВА I. ШЕВЧЕНКО – КРЕПОСТНОЙ (1814–1838)

Семья: отец, дед. – Раннее детство. – Мачеха. – Истязания. – Обучение грамоте и новые истязания. – “Школяр-попыхач”. – В поисках за учителем-маляром. – Неожданная перемена: поваренок, а затем комнатный казачок. – Призвание одерживает первую победу. – Шевченко обучается малярному искусству и живописи. – Первая любовь. – В Петербурге. – Знакомство с Сошенко. – Юноша знакомится с представителями просвещенного общества. – Работа над собственным образованием. – Ужасающая дисгармония. – Вторая победа призвания. – Свобода

Это было в самом конце царствования Александра Павловича, а может быть и в первые дни вступления на престол императора Николая I. Событие, о котором я хочу напомнить, происходило в деревне Кириловке Звенигородского уезда. Впрочем, какое же это событие? О нем знали только кириловцы. Это не событие, а обыденная “мелочь жизни” или, скорее, “мелочь смерти”. Так казалось, но не так оно оказалось. В одной бедной, старой, белой хате с потемневшей соломенной крышей и черным дымарем¹ умирал старый Шевченко. Покорно несший свою долю крепостной “хлебороб” так и умер бы не замеченный ни современниками, ни потомством, если бы босоногий мальчуган, тут же всхлипывающий подле смертного одра, не стал знаменитостью. Тогда вспомнили о знаменательных, пророческих словах, сказанных отцом по адресу необыкновенного сына. Умиравший Шевченко оставлял детей круглыми сиротами и притом на руках не любящей их мачехи; нужно было заблаговременно поделить между ними разное добро. И вот, когда очередь дошла до сына Тараса, он сказал: “Сыну Тарасу из моего хозяйства ничего не нужно; он не будет каким-нибудь человеком: из него выйдет или что-нибудь очень хорошее, или большой негодяй; для него мое наследство или ничего не будет значить, или ничем не поможет”. Тарасу было тогда всего лишь 11 лет, но проницательный глаз отца видел в нем что-то необычайное. Чтобы видеть действительность, чтобы провидеть истинное дарование, нужно было иметь самому не “какой-нибудь” глаз; резкий же переход от “очень хорошего” до “большого негодяя” совершенно естественен в устах человека, прекрасно понимавшего, до чего может дойти всякий даровитый юноша в положении крепостного. В семье Шевченко была еще одна замечательная личность: столетний дед, современник гайдаматчины, лично знавший главных деятелей этой кровавой народной расправы; и у этого деда “слово за словом сміялось, лилось”, а “столитні очі, як зори, сіяли”, когда он по просьбе Тарасова отца начинал рассказывать про дела минувших дней. Слово “лилось, сміялось”, а собравшиеся в хате соседи немели от страха и жалости; “и мени, малому (говорит про себя Тарас), не раз довелось за тытаря плакать; и нихто не бачыв, що мала дытына у куточку плаче”. Дед умер в сороковых годах, 115-ти лет; следовательно, Тарас успел взять у него все, что только тот мог дать, и он в “Гайдамаках” добром поминает своего старого деда:

Спасыби, дидусю, що ты заховав
В голови столитній ту славу казачу:
Я її онукам тепер розказав.

Об отце кобзаря² мы знаем, что он был человек грамотный, любил читать, охотно пересказывал жития святых и разных подвижников благочестия: для своей среды это был

¹ Дымарь – печная труба, плетневая, камышевая, обмазанная глиною (Словарь В. Даля).

² Кобзарь – бандурист, скоморох, играющий на кобзе нищий, слепец, поющий думы, былины Украины (Словарь В. Даля).

довольно начитанный человек. Но, к сожалению, этим ограничиваются все наши сведения о двух личностях, в которых, по-видимому, уже мерцало великое дарование Тараса. Ведь и украинский кобзарь делал, собственно, то же, что и его дед: слово у него также “лилось и сміалось”, только аудитория, слушавшая его, была уже неизмеримо более обширная... Сам поэт не оставил воспоминаний об отце и деде; а первые собиратели материалов для его биографии не потрудились тотчас же выяснить все о тех семейных условиях и тех личностях, которые окружали поэта с колыбели. Впоследствии было уже невозможно восстановить то, о чем все позабыли. Матери Тарас лишился еще раньше, чем отца; этим обстоятельством, вероятно, и объясняется тот странный на первый взгляд факт, что о ней сам поэт нигде не вспоминает, даже в своих явно субъективных повестях и стихотворениях, хотя он и питал, как увидим в своем месте, большую привязанность к своим родным. Собиратели же материалов совсем умалчивают о его матери. По наблюдениям врача Талько-Грынцевича в роду Шевченко выделяются два особых антропологических типа. “Один из них представляет смуглое лицо, темные глаза и волосы, небольшой рост и крепкое телосложение; у другого, напротив, тело белое, волосы темно-русые, но глаза ясно-голубые, рост высокий, телосложение более умеренное”. “По собранным мною сведениям, – продолжает г-н Талько-Грынцевич, – а во многом я мог убедиться лично, в роде Шевченко явно выступает наследственность с невропатическими влияниями: случаи мозговых болезней в детстве, у значительного числа членов семейства болезнь рефракции, дальнозоркость с расходящимся косоглазием, значительное расстройство, при плохом питании, хрусталика к образованию его помутнения в раннем детстве”. Эти замечания врача относятся, собственно, к последующим поколениям, но глазами, например, страдала уже одна из сестер Тараса; неустойчивость нервной системы наблюдается до известной степени и у самого поэта. Вообще же Шевченко был человеком плотным, среднего роста, крепкого, почти железного здоровья.

Родители Шевченко как крепостные крестьяне принадлежали помещику Энгельгардту; этим положением определялась, конечно, и вся будущая судьба их детей. Человек, рожденный крепостным, мог быть живописцем, музыкантом, поэтом, мог быть кем угодно, но тем не менее он оставался крепостным своего господина; и чем даровитее он был, тем горше, невыносимее оказывалась его жизнь. Чтобы выбиться из такого положения, нужно было обладать не только недюжинными дарованиями, но и железной силой воли и еще, как говорится, родиться в сорочке, то есть нужны были особенно благоприятные обстоятельства. Правда, один из родственников поэта и близкий к нему человек, Варфоломей Шевченко, выкупился на волю еще в молодости, но при этом ему пришлось продать все свое имущество дочиста и остаться “убогим, как Лазарь”; как человек даровитый он выбрался и из этой второй беды – нищеты – и по своему уму и развитию значительно возвысился над рядовым крестьянством. Григорий же Шевченко, отец поэта, оставил своим детям очень жалкое имущество; материальных средств для выкупа у них не было ровно никаких, и только у одного Тараса душа горела тем особым огнем, который должен был или вырваться на волю, или натворить великих бед в неволе.

Итак, положение крепостных – вот что, по-видимому, сулила судьба всем членам семьи Григория Шевченко. Самое большее – он мог еще обучить своих детей грамоте и ремеслам; сам он занимался колодейством (колесничеством), а дед был швецом (сапожником), откуда и произошла фамилия Шевченко. Честный отец исполнил свой долг, и, тем не менее, будущая жизнь детей вырисовывалась в очень сумрачных красках. Но едва ли дети заглядывали далеко в будущее. Первым ударом, сделавшим их детскую жизнь невыносимо тяжелой, была смерть родной матери. На руках отца остались дочери Катерина, Ирина, Мария и сыновья Никита, Тарас и Осип, из которых Тарасу, родившемуся в 1814 году, было в ту пору около девяти лет.

Поэт родился в селе Моринцы Звенигородского уезда Киевской губернии, но рос в селе Кирилловке того же уезда, которое и считал всегда своей родиной. Что до появления в доме мачехи жизнь маленького Тараса была довольно красна, об этом свидетельствуют воспоминания поэта в повести «Княгиня», имеющие несомненно автобиографический характер. Вот в каких светлых красках рисует он картину своего раннего детства:

«...И вот стоит предо мною наша бедная, старая, белая хата с потемневшей соломенной крышею и черным дымарем, а около хаты, на причилку яблоня с краснобокими яблоками, а вокруг яблони цветник, любимец моей незабвенной сестры, моей терпеливой, моей нежной няньки; у ворот стоит старая развесистая верба с засохшею верхушкою, а за вербою стоит клуня,³ окруженная стогами жита, пшеницы и всякого хлеба; а за клунею по косогору пойдет уже сад, да какой сад!.. А за садом левада,⁴ за левадою долина, а в долине тихий, едва журчащий ручеек, уставленный вербами и калиною и окутанный широколиственными, темно-зелеными лопухами; а в этом ручейке, под нависшими лопухами, купается кубический белокурый мальчуган, а выкупавшись, перебегают он долину и леваду, вбегает в тенистый сад и падает под первую грушею или яблонею и засыпает настоящим невозмутимым сном. Проснувшись, он смотрит на противоположную гору, смотрит, смотрит и спрашивает сам у себя: «А что же там, за горою? Там должны быть железные столбы, что поддерживают небо. А что, если б пойти да посмотреть, как это они его там подпирают? Пойду да посмотрю, ведь это не далеко». Встал и, не задумавшись, пошел он через долину и леваду, прямо на гору. И вот выходит он за село, прошел царину,⁵ прошел с полверсты поле; на поле стоит высокая черная могила; он вскарабкался на могилу, чтоб с нее посмотреть, далеко ли еще до тех железных столбов. Стоит мальчуган на могиле и смотрит во все стороны: и по одну сторону село, и по другую сторону село; и там из темных садов выглядывает трехглавая церковь, белым железом крытая, и там тоже выглядывает церковь из темных садов, и тоже белым железом крытая. Мальчуган задумался. Нет, думает он, сегодня поздно, не дойду я до тех железных столбов, а завтра вместе с Катрею. И он, скатившись кубарем с могилы, встал на ноги и пошел, не оглядываясь, в чужое село... На дворе уже смеркало, когда я (потому что кубический белокурый мальчуган был не кто иной, как смиренный автор сего, хотя и не сентиментального, но тем не менее печального рассказа) подошел к нашему перелазу;⁶ смотрю через перелаз на двор, а там около хаты на темном, зеленом бархатном шпорише все наши сидят себе в кружке и вечеряют; только моя старшая сестра и нянька Катерина не вечеряет, а стоит себе около дверей, подперши голову рукою, и как будто посматривает, на перелаз. Когда я высунул голову из-за перелаза, то она вскрикнула: «Прійшов, прійшов!» – и, подбежав ко мне, схватила меня на руки, понесла через двор и посадила в кружок вечерять, сказавши: «Сидай вечерять, преблудо!» Повечерявши, сестра повела меня

³ Рига, молотильный сарай (*Словарь В. Даля*).

⁴ Огороженный или окопанный луг или пастбище; покос; огород (*Словарь В. Даля*).

⁵ Царина – околица с заорами (запорами. – *Ред.*), городьба и ворота от скота (*Словарь В. Даля*).

⁶ Перелаз – место в плетне, заборе, где перелезают, для чего иногда приделаны примостки (*Словарь В. Даля*).

спать и, уложивши в постель, перекрестила, поцеловала и, улыбаясь, назвала меня опять приبلудою...”

Но скоро этому “кубическому мальчику” пришлось оставить мечты о железных столбах, поддерживающих небо, и заботиться больше о том, как бы увернуться от обильно посыпавшихся на него розог. Розга появилась вместе с мачехой. Отец Тараса не мог долго оставаться вдовцом со своей многочисленной семьей, причем самому меньшему ребенку было всего только полтора года; необходимость заставляла его взять в дом хозяйку и притом не быть особенно разборчивым, у женщины, на которой женился вторично Григорий Шевченко, были свои дети; они также вошли в его семью, и между сводными братьями и сестрами завязалась тотчас же глухая борьба. “Не проходило часа без слез и драки между нами, детьми, — вспоминает поэт, — и не проходило часу без ссоры и брани между отцом и мачехой”. Особенно доставалось от последней Тарасу, который “часто тузил ее тщедушного Степанка”. Эти раздоры заронили в его душу неизгладимое чувство озлобления против случайных пришельцев в его родную семью, а также против родного дяди Павла, нередко учинявшего расправу по просьбе мачехи; а с другой стороны, они сблизили гонимых детей; на этой почве выросла, например, глубокая привязанность поэта к своей сестре Ирине да и вообще ко всем сестрам и братьям, о которых он заботился до конца дней своих.

Один эпизод кровавой расправы особенно засел в детских головках; его рассказывала эта самая Ирина уже после смерти поэта. Как-то раз у солдата, стоявшего у них на квартире, пропало три злотых. Солдат поднял целую бурю; стали искать деньги. Мачеха, не долго думая, указала на Тараса как на виновника пропажи. Принялись за мальчика. Тот божился и клялся в своей невинности; но мачеха одно твердила: “Деньги украл Тарас”. Предчувствуя, что этим дело не кончится, Тарас убежал и спрятался на заброшенном огороде. Он просидел там четверо суток: устроил себе шалаш в кустах калины, расчистил площадку, усыпал ее песком, развлекался стрельбой из бузиновой пукалки⁷ в мишень и так далее. Сестра Ирина носила ему тайком еду и утешала его в одиночестве. На пятый день дети мачехи открыли убежище беглеца. Его схватили и привели на допрос, и на этот раз дознание было ведено уже по всем правилам. Так как виновный не сознавался, его начали пытать, причем главным заправилой и палачом выступил “великий катюга” дядя Павло. Три дня с небольшими перерывами он сёк мальчика; наконец последний не выдержал и, чтобы прекратить мучения, сказал, что действительно он украл деньги. Тогда его развязали и потребовали, чтобы он указал место, где они спрятаны. Но что мог ответить на этот вопрос ни в чем не повинный мальчик? Пытка и истязание возобновились, но безрезультатно. Бедный Тарас был брошен чуть не замертво. Претензию солдата удовлетворили, продавши юбку покойной матери. И только впоследствии обнаружилось, что деньги украл сын мачехи Степан и спрятал их в дупле старой вербы. Отца, по-видимому, не было дома во время этих истязаний. Едва ли бы он допустил их. По крайней мере, мы видим, что вскоре после этого печального события он отослал Тараса учиться грамоте к мещанину Губскому. Любопытно, что хотя грамота далась мальчику скоро, но он успел перебиваться у нескольких учителей и повсюду розги изрядно сыпались на него. Живой и чуткий ребенок не выносил несправедливости и животного обращения, самовольно бросал учителя, а при случае учинял даже над ним расправу и отправлялся искать себе другого.

В этих первых шагах по пути к грамотности сказались уже характерные человеческие особенности будущего украинского кобзаря. Он идет своим собственным путем и не знает никаких проторенных дорожек; ему неведом тот особенный страх, который приковывает человека ко всему рутинному и заставляет содрогаться при одной мысли отступить от заве-

⁷ Пукалка — детская игрушка, ружьё, перышко или трубочка с поршнем, которая хлопает, стреляя репяною, картофельною пробкою (*Словарь В. Даля*).

щанного отцами и дедами образа жизни и мысли. Словно какой-то инстинкт подсказывал ему, что каковы бы ни были неудачи и трудности пути, он не должен смущаться и не должен малодушно взваливать всю ответственность на внешние обстоятельства. Действительно, присмотритесь внимательно к первым шагам этого крепостного оборванца и вы убедитесь, что у него была своя путеводная звезда, что его душа бессознательно устремлялась к ней.

Со смертью отца Тарасу, теперь уже круглому сироте, пришлось возвратиться домой; нелюбящая мачеха заставила его пасти телят и свиней. Так прошло время до зимы. Зимой же, дабы сбыть с рук задорного мальчика, его снова отдали в школу к сельскому дьячку Бугорскому. Тут он, вместе с другими учениками, подвергся правильной, регламентированной секуции. “По субботам, – рассказывал поэт, – перед роспуском по домам, всех нас – и правых, и виноватых – секли, причитывая четвертую заповедь. Обязанность эту исполнял консул, т. е. старший в классе. Я никогда не ходил в отпуск, но когда сделан был консулом, то зажил отлично: все мне приносили из дому гостинцы, чтобы не больно сек, и скоро я обратился в страшного взяточника. Кто приносил мне довольно, тому давал не более одной или двух легких розог, в течение которых успевал скороговоркой прочитывать обычную заповедь; но кто приносил мало или ничего не приносил, над тем я с чувством и расстановкой произносил: “Помни... день... субботний... и т. д.”. В повести “Княгиня”, вспоминая об этих же секуциях, Шевченко говорит: “Ну, это бы еще ничего, пускай бы себе кормил, нам эта каша была в обыкновение; а то вот где, можно сказать, истинное испытание: бьет, бывало, а самому лежать велит, да не кричать и, *не борзяся*, явственно самому читать четвертую заповедь... Бывало, когда дойдет до меня очередь, то я уже не прошу о помиловании, а прошу только, чтобы он умилосердился надо мною, велел меня, субботы ради святой, придержать хоть немножко...” У этого жестокого дьячка Тарас закончил свое образование, выучил часловец и Псалтырь, а священник научил его писать. Тогда он остался при школе в качестве “школяра-попыхача”. Нередко ему со своим учителем приходилось голодать по несколько дней кряду; только одни покойники выручали; если же таковых долго не оказывалось, то они брали “торбу” и “сосуд скудельный” (“мы и жидкостями не пренебрегали, как то: грушевым квасом и проч.”) и отправлялись под окна воспевать “Богом избранную”. Все заработанное чтением Псалтыря над покойниками поступало в пользу дьячка, и тот уже от щедрот своих уделял Тарасу пятак-другой на бублики. “Ходил я, – вспоминает он в “Княгине”, – постоянно в серенькой дырявой свитке⁸ и в вечно грязной рубашке, а о шапке и сапогах и помину не было ни летом, ни зимой; однажды дал мне какой-то мужик за прочтение Псалтыря на пришвы ременю, да и тот от меня учитель отобрал как свою собственность”.

Бесконечные порки и лишения, лишения и порки ожесточили вконец сердце босоногого подростка, и он покончил свои отношения с дьячком так, “как вообще оканчивают выведенные из терпения люди, – мезтью и бегством”. “Найдя его однажды бесчувственно пьяным, – рассказывает поэт в своей “Автобиографии”, – я употребил против него собственное его оружие – розги – и, насколько хватило детских сил, оплатил ему за все его жестокости”.

Здесь же, в школе Бугорского, пробудилась у Тараса страсть к рисованию. Когда ему становилось невмоготу от порок, он обыкновенно убегал и по несколько дней скрывался в садах, причем запасался бумагой, а при случае не прочь был стащить у дьячка и пятак; из бумаги он делал маленькую книжечку и тотчас же принимался обводить ее крестами и “визерунками с квитками” или списывать Сковороду. Так и на этот раз. Отомстив своему мучителю, он похитил у него книжечку с кунштыками⁹ и бежал в село Лысянку к маляр-дьякону. Но через четыре дня он снова бежит, уже в Стеблов (Каневского уезда), а оттуда в Тарасовку к дьячку “хиромантику”, который, посмотревши на его левую руку, признал его

⁸ Свитка – широкая, долгая запашная одежда без перехвата (Словарь В. Даля).

⁹ Гравированными картинками.

ни к чему не годным, “ни даже к шевству, ни к бондарству”. Этими шатаниями и скитаниями, даже своею внешностью – он перестал стричься и сшил себе шапку вроде конфедератки – Тарас обращал на себя внимание своих односельчан. Но похождения его кончились неудачей, и он должен был возвратиться домой.

“У меня была в виду, – говорит он, – скромная участь, которой мое воображение придавало, однако же, какую-то простодушную прелесть: я хотел сделаться, как выражается Гомер, “пастырем стад непорочных”. Старший брат Никита пробовал приучить его к земледельческому труду. Но ни “пастырство”, ни “хлеборобство” не улыбалось будущему певцу Украины. Его волновали непонятные для детского ума желания и стремления к простору жизни, к свободе, и он бросал волов в поле и уходил бродить и мечтать о малярстве. Наконец он еще раз решил попытать счастья и отправился в село Хлебновку, славившееся своими малярами. На этот раз один маляр признал в нем незаурядные способности и согласился взять его к себе; но Тарас был крепостным, у него не было никакого разрешения от помещика, не было и паспорта; поэтому маляр, боясь ответственности за укрывательство крепостного мальчика, отправил его к управляющему именными Ангельгардта в Вильшану, чтобы он добыл себе прежде всего необходимое разрешение.

Судьба, однако, решила иначе. Вместо разрешения заниматься вольным художеством Тарасу было велено остаться в Вильшане, и он попал в штат дворовой челяди, как раз в это время набиравшейся по приказанию молодого помещика. Пятнадцатилетний юноша, обрадовавшийся на себя внимание умным выражением лица и своею бойкостью, мог, несомненно, пригодиться для удовлетворения многочисленных потребностей пана, жившего на широкую ногу. Из него можно будет выдрессировать доброго лакея – так решил управляющий.

С этого момента для Тараса наступила новая жизнь. Раньше, хотя он и рожден был в крепостничестве, ему как ребенку приходилось страдать больше от нищеты и свирепой жестокости своей же среды, чем от произвола своего господина. Горькое сознание полной нищеты он убаюкивал мечтами о лучшем будущем да песнею, а на дикую расправу мачехи и своих учителей отвечал бегством. Нежная, мягкая природа Украины ласкала ребенка, а “могилы” навевали воспоминания о временах былой казацкой славы. Природа, песни и рассказы о далеком прошлом, наконец, какое-то тайное, непонятное и необъяснимое предчувствие, надежда даровитой натуры на лучшее будущее – все это смягчало горечь настоящего. Но теперь дыхание крепостничества обожгло его. Природа, песни, свободное скитальчество – теперь для него недоступное блаженство. Лакейская – вот мир, в котором он должен жить; прихоти самодура-помещика – вот тот бич, который будет вечно над ним висеть и который во сто крат хуже порок свирепого дьячка Бугорского.

Однако Тарас не сразу попал в лакейскую. Управляющий, набрав около дюжины мальчиков, прежде чем отправить их к помещику в Вильно, произвел испытание, дабы выяснить, к чему каждый из них более всего способен.

Тараса приставили сначала к повару: он чистил кастрюли, носил на кухню дрова, выносил помои и так далее. Это было еще менее привлекательное занятие, чем “пастырство” или чтение Псалтыря по покойникам. Влечение к рисованию оставалось совершенно неудовлетворенным; а между тем оно не давало юноше покоя. У захожего коробейника на всякий попавший к нему случайно грош он покупал произведение суздальской кисти, воровал картинки и со всем этим добром прятался в каком-нибудь глухом углу сада, где, развесив свои картины, принимался копировать их, напевая песни. Конечно, эти самовольные отлучки не проходили для него даром, и он нередко терпел побои от ментора-повара.

Наконец настало время отправлять набранную челядь в Вильно. От внимания управляющего не ускользнула страсть Тараса к рисованию, и он отметил его “годным на комнатного живописца”. Но помещик решил иначе: он нарядил его казачком и посадил в передней, “вменяя мне, – говорит поэт, – в обязанность только молчание и неподвижность в углу перед-

ней. Но по врожденной мне продерзости я нарушал барский приказ, напевая чуть слышным голосом унылые гайдамацкие песни и срисовывая украдкой картины суздальской живописи. Барин мой был человек деятельный; он беспрестанно ездил то в Киев, то в Вильно, то в Петербург и таскал за собой в обозе меня для сидения в передней, подавания шубы и т. п. надобности”.

Этот период жизни Шевченко до встречи его в Петербурге с Сошенко менее всего известен, а между тем можно сказать, что именно в это время бесповоротно решалась его судьба. Пастух, школяр-попыхач, чтец по покойникам, поваренок, комнатный казачок, – нет, все это не то. Он должен быть маляром, живописцем, художником. Поэтическое дарование тогда еще дремало. Страсть же к рисованию совершенно овладела им. Она, а не положение в качестве комнатного казачка, как думают некоторые биографы, – то благодеяние, которое он получил из рук самой природы и которое спасло его. Она вела его к великой цели, рассчитала путь другому, более могучему дарованию, и господа Энгельгардты и прочие должны были так или иначе ретироваться. Однажды, в конце 1829 года (дело происходило в Вильно или Варшаве), Энгельгардт с семейством отправился на бал, а наш казачок, дождавшись той поры, когда все в доме заснуло, забрался в пустую комнату, зажег свечку и, разложив свои картины, принялся за рисование. Он и не заметил, как время пролетело. Вдруг растворяется дверь и оторопевший казачок видит перед собой разъяренного барина, который бросается на него, “немилосердно рвет его за уши и дает несколько пощечин, внушая неосторожному художнику, что, сидя с зажженной свечой среди бумаг, он мог бы сжечь не только дом, но и весь город”. На следующий день кучер Сидорка “выпорол его с достоулыным усердием”. Но помещик, по-видимому, убедился, что из Тараса не выйдет путного казачка, и в своих собственных интересах решил сделать из него комнатного живописца.

Этот момент, как я говорил выше, весьма важен в жизни Шевченко. Так или иначе, он выступал на дорогу своего призвания. На каждом человеке лежит обязанность определить себе то дело, которое он станет делать, и то место, которое он займет среди общества. Человек фальшивый, неискренний рядится обыкновенно в чужие наряды, выдает себя за того, кем не является, – одним словом, представляет ворону в павлиньих перьях, а мир таких же фальшивых людей, как он сам, если не действительно считает, то делает вид, что считает его за настоящего павлина. Для искреннего же человека отвратительна и ненавистна, прежде всего, всякая такая фальшь, всякое переодевание, всякое старание *казаться* чем бы то ни было. Он прямо смотрит в глаза действительности и поступает согласно своему разумению. Если он при этом наделен той искрой Божьей, которая называется дарованием, талантом, гением, то он не будет знать покоя, пока не выйдет на свою дорогу. Безобразная нищета держала Шевченко в своих тисках с самого нежного возраста, но он, оборванный, босой, с обнаженной головой, утаивает гроши, ворует, чтобы насытить свою страсть к рисованию; его секут и секут, а он все-таки рисует. Поистине тяжкими и жестокими испытаниями он завоевал себе право на такое деликатное занятие, как рисование. У нас много призванных художников, но многие ли из них действительно *призванные* к этому делу, многие ли оправдали свое призвание такими испытаниями и борьбой, какие выпали на долю украинского поэта? А между тем из Шевченко не вышел первоклассный художник. Что же, он растерял свои силы в неравной борьбе?

Нет. Люди, верующие в Провидение, сказали бы, что оно вело обездоленного сына народа своими мудрыми путями: крепостной мальчик, почти нищий, не мог вступить в борьбу с окружающей его людской неправдой на почве *песни*, своей настоящей стихии; первое же проявление его скорбной музыки было бы вместе с тем и последним: господину Энгельгардту таких песен вовсе не нужно было; он заставил бы умолкнуть народившееся дарование; сделаться же панским поэтом, своего рода маленьким лауреатом, Шевченко не мог; для этого у него не было ровно никаких задатков. Другое дело – рисование; паны любили укра-

шать свои комнаты картинами, копиями с известных произведений искусства, портретами собственных особ, своих присных и так далее. Рисование было или, по крайней мере, могло быть до поры до времени нейтральной почвой. Нужно было только доказать пану, что из его “хлопа” ничего, кроме художника, не выйдет; и если этот пан был не совсем лишен разума, он сдавался, принимал в расчет собственные интересы и давал возможность своему “хлопу” сделаться крепостным художником. Так случилось и с Шевченко: он поборол одного своего врага, вышел на дорогу своего призвания. Но другой враг, не менее страшный, в образе крепостничества, загораживал еще дорогу к свободному развитию, к свободному вдохновению, к свободной жизни.

Шевченко было 16 лет, когда его отдали в науку к какому-то комнатному живописцу, по указанию одних биографов – в Вильно, а по указанию других – в Варшаве. Здесь его научили расписывать потолки, стены, заборы и т. п. На этот раз ему попался, по-видимому, добросовестный учитель, который скоро убедился, что его ученик обладает выходящим из ряда дарованием и что ему надлежит быть не простым маляром. Он высказал свое мнение Энгельгардту и посоветовал ему поместить юношу к известному варшавскому портретисту Лампи. Какими мотивами руководствовался Энгельгардт, мы не знаем, но в это время он, несомненно, уже понимал, что его живой капитал в образе Тараса Шевченко будет нарастать, точно проценты на проценты, от дальнейшего учения последнего. Тараса приодели, и он стал посещать мастерскую и работать под руководством настоящего художника.

Около двух лет прошло в таких занятиях. Что, собственно, делал Шевченко, какие успехи оказывал, мы не знаем. Но в это же время имело место весьма важное для его внутренней жизни событие: он полюбил в первый раз. Она была полька, швея, “с независимым образом мысли”, а он – “хохол”, крепак,¹⁰ “хлоп”, со страстной, но поработенной и пока еще не осознанной любовью к свободе. В то время Варшава как раз готовилась к восстанию, и мы легко можем себе представить, чем была воодушевлена девушка, понравившаяся юноше. Эта любовь разодрала завесу, скрывавшую от Шевченко весь ужас его бесправного положения. Хотя уже в детстве он с жадностью прислушивался к рассказам о гайдамаках, боровшихся за свою свободу, и напевал их скорбные песни, однако, забитый и загнанный, он жил, не обращая внимания на свое положение. Конечно, он был еще слишком молод. Любовь ускорила дело времени; она заставила его серьезнее взглянуть на свою жизнь, и как натура впечатлительная и правдивая он не мог не прийти в ужас и даже отчаяние. Первая чистая, возвышенная любовь пробуждает в душе всякого юноши самые лучшие порывы и стремления, на какие только он будет способен впоследствии. Она впервые приподымает покрывало со “святая святых” всей будущей жизни человека. Мы говорим о действительной любви, а не о любовном жаре, который горит обыкновенно нечистым пламенем. Для многих и юношеская любовь бывает только взрывом проснувшихся животных страстей; о таких можно смело сказать, что они и в жизни своей не пойдут дальше животных страстей, в лучшем случае смягченных культурой и образованием. И вот любовь открыла Шевченко, что не только он сам как рабочая сила принадлежит своему помещику, но что и его “святая святых” находится также в полном распоряжении этого последнего. “Я в первый раз пришел тогда к мысли, – вспоминает поэт, – отчего и нам, крепакам, не быть такими же людьми, как другие свободные сословия”.

К сожалению, мы располагаем очень скудными сведениями об этой первой любви поэта. Полька была, по-видимому, образованнее своего возлюбленного; уже одно то, что она была свободным человеком, давало ей преимущество. Она научила Тараса польскому языку, и тот, по крайней мере впоследствии, свободно читал в подлиннике Мицкевича и “Эстетику” Либельта. У нас нет ровно никаких оснований думать, что Шевченко отказывался при этом

¹⁰ Крепостной человек (Словарь В. Даля).

от чего бы то ни было “в пользу шляхетской национальности”, как то утверждает г-н Петров. Это – поклеп. Мы, вероятно, будем недалеко от истины, если скажем, что Шевченко действительно отрекся, но от чего? От рабства в пользу свободы. И невозможность осуществить это отречение немедленно, на деле, доводила юношу до мысли о самоубийстве. Этим, по-видимому, и исчерпываются все глубокие последствия первой любви нашего поэта.

В 1832 году мы находим Шевченко уже в Петербурге, куда его препроводили вместе с другой прислугой Энгельгардта этапным порядком. Дорогой у него отвалилась подошва на одном сапоге, и он должен был, чтобы не отморозить ногу, переобувать целый сапог с одной ноги на другую. В Петербурге Энгельгардт отдал его на выучку живописных дел мастеру Ширяеву, “который соединял в себе все качества дьячка-спартанца, дьякона-маляра и другого дьяка – хиромантика; но, несмотря на весь гнет тройственного его гения, я, – говорит поэт в своей “Автобиографии”, – в светлые осенние ночи бегал в Летний сад рисовать со статуй”. Как раньше настойчивое копирование рисунков, несмотря на все запреты и побои, вывело мальчика на дорогу его призвания, так и теперь упорные попытки проникнуть в храм искусства привели юношу к той желанной свободе, без которой немыслимо было дальнейшее развитие его дарования.

У Шевченко не было, конечно, никаких знакомых в Петербурге, кроме дворовой челяди да таких же злополучных, как он сам, учеников и наемных рабочих мастера Ширяева. Но, посещая украдкой Летний сад, он случайно познакомился с земляком, в то время уже художником, Сошенко. Эта встреча, имевшая такие важные последствия для Шевченко, описывается биографами по-разному. Вероятнее всего, что дело происходило именно таким образом, как о нем говорит Шевченко: вскользь – в своей “Автобиографии” и затем подробно – в биографической повести “Художник”, где даже лица, принимавшие участие в его освобождении, названы собственными их именами.

Однажды ранним утром, когда Петербург еще спал, а Шевченко по своему обыкновению отправился тайком в Летний сад срисовывать статуи, на него случайно наткнулся Сошенко. Юноша сконфузился, увидев перед собою незнакомого человека, и поспешно спрятал за пазуху рисунок. Между ними произошел такой приблизительно разговор. “Что ты здесь делаешь?” – спросил Сошенко. “Я ничего не делаю, – отвечал застенчиво юноша, – иду на работу, да по дороге в сад зашел”; и, немного помолчав, прибавил: “Я рисовал”. “Покажи, что ты рисовал”. Шевченко вынул из-за пазухи четвертку¹¹ серой писчей бумаги и робко подал художнику; на четвертке был намечен довольно верно контур Сатурна. Долго Сошенко держал рисунок в руках и любовался запачканным лицом автора; в неправильном лице его было что-то привлекательное, особенно в глазах, умных и кротких, как у девочки. “Ты часто ходишь сюда рисовать?” – спросил наконец он. “Каждое воскресенье, – отвечал юноша, – а если близко где работаем, то и в будни захожу”. – “Ты учишься малярному мастерству?” – “И живописному”, – прибавил Тарас. Затем он поспешно взял в одну руку ведро с желтой краской, а в другую желтую же обтертую кисть и собрался идти. Сошенко пригласил его к себе. В первое же воскресенье робкий юноша воспользовался этим приглашением. Таким образом, первый лед был сломан, и Шевченко подхватило то течение русской общественной жизни, которое одно только могло по условиям того времени вынести его на простор свободы и прибить к берегу передовых людей. Всего этого он достиг помимо каких бы то ни было протекций и покровительств, – напротив, он упорно боролся с людьми и обстоятельствами. И он победил; правда, это была далеко еще не полная победа. Он доказал, что в нем действительно таится дарование. Дальнейший исход борьбы зависел теперь уже не от него одного, а и от тех людей, которые признали в нем “дар Божий”. Как отнесутся к нему

¹¹ Четверть целого листа (Словарь В. Даля).

эти люди и что сделают они, чтобы вспыхнувшая искра не потухла в беспросветном мраке нужды и равнодушия?

Сошенко, познакомившись ближе с жизнью юноши, был тронут до глубины души: все пережитое им было так непривлекательно, а будущее представлялось еще более сумрачным. Нужно спасти человека от неминуемой гибели, но как сделать это и что может сделать он, Сошенко, заурядный художник? Однако именно этому невидному, обыденному, серенькому человеку мы обязаны тем, что драгоценный украинский самородок не погиб в куче навоза. Сошенко обласкал его, как сына. Он водил его по картинным галереям, снабжал его необходимыми рисовальными принадлежностями, книгами, следил за его успехами и наставлял. Наконец, он познакомил его с малороссийским писателем Гребенкой, принявшим также теплое участие в судьбе многообещающего юноши и немало содействовавшим, по-видимому, расширению его литературного горизонта, с конференц-секретарем Академии художеств Григоровичем, которого убедительно просил помочь освободить юношу от невыносимого гнета маляра Ширияева, и со знаменитым художником Брюлловым; а через этих лиц Шевченко стал скоро известен придворному живописцу Венецианову и Жуковскому. Последний, желая ближе ознакомиться с дарованием самоучки-маляра, попросил его однажды написать сочинение на тему: жизнь художника. До нас не дошло это юношеское произведение Шевченко, и мы не знаем, как отнесся к нему Жуковский; известно только, что вскоре после этого он стал усиленно хлопотать о выкупе поэта.

Итак, наша образованная общественность тридцатых годов встретила, как видим, радушно и участливо великое дарование, найденное случайно среди находящихся в кабале у Ширияева учеников-маляров. Как же воспользовался этот “найденный” улыбнувшейся наконец ему судьбою? Он не изменил себе, но еще с большею энергией принялся за свое самообразование. Все свободное время он проводил или за рисованием, или за чтением, или, наконец, в кругу людей, от которых мог почерпнуть для себя что-либо в образовательном смысле. Но много ли бывает свободного времени у наемного чернорабочего? Оставалось одно: урывать для досуга часы от сна. “Пробыв целый день на работе, взятой хозяином с подряда и состоявшей в покраске оконных рам, дверей, а иногда и заборов, ночью возвращаясь на чердак, Тарас постоянно читал, читал все, что ни попадалось ему под руку”. Он успевал, следовательно, делать зараз два дела: работать на хозяина и учиться, причем успехи его в учении изумляли его ближайшего друга и покровителя Сошенко. Как-то раз ему вздумалось, однако, отвлечься от столь усидчивого труда, и он тайком, не спросив позволения у хозяина, убежал с работы на петергофское гулянье. Но невиданное зрелище, о котором рассказывали ему такие чудеса, не произвело на него впечатления, и он, заметив в толпе своего хозяина, поторопился возвратиться назад.

По мере того, как развертывались молодые силы под двойным влиянием чтения и просвещенного общества, и перед Тарасом все резче и заманчивее обрисовывался образ свободного человека и художника, положение его как подневольного ученика Ширияева и как крепака вообще становилось все невыносимее и невыносимее. Нам, людям, избегнувшим вовсе тлетворного влияния крепостного права, трудно даже представить себе, каким образом молодой человек, одаренный громадным талантом, вращающийся в лучшем обществе, вместе с тем продолжал оставаться крепостным такого-то помещика. Это значило, что он из рабочего кабинета художника Брюллова, из залы придворного живописца Венецианова или после беседы с гуманным Жуковским мог попасть по самому ничтожному капризу своего властелина прямо на конюшню, под розги эскуатора из своей же братии. Какая дикая фантазмагория, скажет теперь всякий! А между тем именно это чуть-чуть не случилось с Шевченко. Отданный по контракту Ширияеву, он не имел вообще никаких сношений с дворней своего помещика; но когда Сошенко рисовал портрет с жены смотрителя помещичьего дома и некоторое время проживал в квартире последнего, Шевченко продолжал навещать

своего друга и здесь. Естественно, что он сталкивался при этом с дворовыми людьми, и естественно, что он говорил с ними об их общем бесправном положении, и говорил “в вольном духе”. Те стали вторить ему, заявлять о своих человеческих правах. Все это дошло, конечно, до смотрителя и привело его в бешенство. Кучеру был отдан приказ приготовить на конюшне все необходимое для секции и схватить смутителя, проповедника человеческих прав, как только он покажется во дворе. И едва только вошел Шевченко, на него накинулись и потащили на расправу. Не поспей вовремя на выручку Сошенко, художнику пришлось бы пережить одну из самых тяжелых минут, так как в эту пору в нем уже вполне пробудилось сознание собственного человеческого достоинства. Сошенко сначала сам умолял освободить его друга от столь унижительного наказания, а потом, когда убедился, что его просьбы не действуют, обратился к посредничеству молоденькой жены смотрителя; та успокоила расходившиеся страсти супруга, и Шевченко получил на этот раз помилование, но с тем, чтобы он не вел бесед и не виделся с дворовыми людьми. Нетрудно понять, в каком страшном, раздирающем душу противоречии находились подобные дикие выходки, одна их возможность, с мечтами Шевченко о свободе и со всем тем, что он видел и встречал в лучшем обществе. Его молодая душа была потрясена до глубины. Счастье еще, что положение его у Ширяева в качестве ученика спасало его от частого повторения подобных сцен, даже несколько отдаляло от крепостнической атмосферы вообще. И еще большее счастье, что он имел возможность хотя бы урывками совершенствоваться в рисовании. По совету Сошенко он стал рисовать портреты с натуры акварелью; его работу случайно увидел Энгельгардт, остался ею очень доволен и заставил рисовать портреты своих любовниц, за что иногда награждал своего неудавшегося казачка целым рублем. Но высшей утехой для Шевченко была посещавшая его в это время муза. Вот что он пишет сам по этому поводу: “Украинская строгая муза долго чуждалась моего вкуса, извращенного жизнью в школе, в помещицкой передней, на постоянных дворах и городских квартирах. Но когда предчувствие свободы возвратило моим чувствам чистоту первых лет детства, проведенного под убогой батьковской стрехой, она, спасибо ей, обняла и приласкала меня на чужой стороне”. Первые литературные опыты Шевченко были написаны в том же Летнем саду.

Таким образом, образованные и изысканные люди просвещали талантливого самоучку, поддерживали его словом, а при случае и деньгами и подавали надежды на лучшее будущее; а самоучка, не жалея сил, работал над собою. Он, казалось, говорил: “Я, как видите, оправдал себя, я, крепостной маляр, доказал вам, что достоин лучшей участи; теперь дело за вами: вы теперь должны и вы только можете открыть мне доступ к свободному развитию таланта; если вы не сделаете этого, то на вашей совести останется тяжелый грех: вы дали потухнуть, не разгоревшись, искре, вспыхнувшей в самом сердце народа”. В детстве он один, не сознавая того, вступил в бой с крепостным правом и неуклонно следовал своему влечению. Теперь ему помогали хорошие люди. Неужели он не победит? Прошло, однако, шесть мучительных и томительных лет, прежде чем эти хорошие люди сделали решительный шаг. Хотя Энгельгардт, убедившись в необычайных дарованиях своего крепостного, и сам не прочь был бы поместить его в Академию художеств, чтобы всегда иметь под рукой хорошего домашнего художника, но в то время доступ крепостным людям в Академию был уже закрыт. “Причиной тому была несчастная судьба многих крепостных художников, которые, получив образование в Академии и возвратясь к своим помещикам, не переносили их обращения с ними, оканчивая жизнь самоубийством: резались, вешались, топились”. Отпустить же Шевченко на волю Энгельгардт не хотел, это было не в его интересах. И юноша переживал снова такие же тяжелые минуты, как в Варшаве, под влиянием первой любви; но на этот раз гнев его обращался уже на помещика, и он, уходя от Сошенко домой, на свой грязный чердак, грозил страшной мстью своему поработителю.

Один случай, теперь вызывающий у нас смех, но едва было не погубивший строптивого художника, ускорил, по-видимому, развязку.¹² Какой-то генерал заказал Шевченко за 50 рублей свой портрет, но работа ему не понравилась, и он не принял ее. Раздосадованный художник, чтобы наказать скупого генерала, продал портрет, намалевав на нем намыленную бороду, для вывески цирюльнику, у которого генерал имел обыкновение стричься и бриться. Увидев свой портрет на таком необычайном месте, генерал пришел в бешенство, тотчас купил его и в порыве гнева обратился к Энгельгардту с просьбой продать ему крепостного художника. Злоба сделала его щедрым, и он предлагал Энгельгардту хорошие деньги. Тот готов был уже согласиться, и Шевченко, узнав, какая опасность угрожает ему, бросился к Брюллову и умолял спасти его. Брюллов в это время рисовал портрет Жуковского, который уже ранее предполагалось разыграть в лотерее, чтобы на вырученные деньги выкупить поэта. Он поторопился окончить работу. В лотерее приняли участие лица императорской фамилии (что, вероятно, осадило несколько и злобного генерала, и корыстного помещика). Таким образом собраны были 10 тысяч рублей ассигнациями— сумма, предложенная Энгельгардту генералом; но, по словам самого Шевченко, он был выкуплен всего за 2500 рублей ассигнациями.

День 22 апреля 1838 года должен быть памятен всем почитателям южнорусского народного поэта: этот день стал днем его освобождения от крепостной зависимости, то есть, так сказать, днем второго рождения на свет Божий. В течение почти всех прожитых 24-х лет, за исключением первых годов детства, его преследовали безобразная нищета и лишения, дикое насилие и произвол мачехи, родных, учителей, помещика и, наконец, страшное отчаяние, что придется бесследно погибнуть в неравной борьбе, погибнуть даже от собственной руки, так как временами у юноши не хватало сил терпеть такое тяжелое положение. Но суровые испытания кончились, не успев загубить его дарования; Шевченко вынес из них неоценимый личный опыт, каким едва ли обладал кто-либо из его современников, выступавших на защиту закрепощенного народа. И раздавшаяся скоро из его уст песня была всецело этим выстраданным опытом.

¹² Впрочем, сам Шевченко, по словам Костомарова, отрицал этот анекдотический рассказ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.